

Л. Троцкий

Проблемы развития СССР

Проект платформы Интернациональной левой оппозиции по русскому вопросу.

I. Экономические противоречия переходного периода.

Классовая природа СССР.

Противоречивые процессы в хозяйстве и политике СССР развертываются на основе диктатуры пролетариата. Характер социального режима определяется прежде всего отношениями собственности. Национализация земли, средств промышленного производства и обмена, при монополии внешней торговли в руках государства, составляет основу общественного строя СССР. Экспроприированные Октябрьской революцией классы, как и ново-образующиеся элементы буржуазии и буржуазной части бюрократии могли бы восстановить частную собственность на землю, банки, фабрики, заводы, железные дороги и пр., не иначе, как путем контр-революционного переворота. Этими отношениями собственности, лежащими в основе классовых отношений, определяется для нас природа советского Союза, как пролетарского государства.

Защита СССР от иностранной интервенции и от покушений внутренних врагов, — от монархистов и бывших помещиков до «демократов», меньшевиков и эсеров, — составляет элементарный и непререкаемый долг каждого революционного рабочего, тем более, большевика-ленинца. Двусмысленности и оговорки в этом вопросе, отражающие, по существу, колебания мелко-буржуазного ультра-радикализма между миром империализма и миром пролетарской революции, несовместимы с принадлежностью к Интернациональной левой оппозиции.

Всемирно-историческое значение высоких темпов экономического развития.

Возможность нынешних поистине гигантских успехов советского хозяйства была создана революционным переворотом имущественных отношений, заложившим предпосылки планового преодоления рыночной анархии. Капитализм никогда не давал и неспособен дать ту прогрессию экономического роста, которая развертывается ныне на территории советского Союза. Небывало высокие темпы индустриализации, пробившие себе дорогу против ожиданий и планов эпигонского руководства, показали раз навсегда могущество социалистических методов хозяйства. Неистовая борьба империалистов против мнимого советского «дэмпинга» является невольным, но тем более действительным признанием с их стороны, превосходства советских производственных форм. В области сельского хозяйства, где отсталость, раздробленность, варварство имеют наиболее глубокие корни, режим пролетарской диктатуры также успел обнаружить могущественную творческую силу. Как велики ни были бы в дальнейшем откаты и отступления, нынешние темпы коллективизации, возможные только на основах национализации земли, кредита и промышленности при руководящей роли рабочих, знаменуют новую эпоху в развитии человечества, начало ликвидации «идиотизма деревенской жизни».

Даже и в том исторически мыслимом худшем случае, если бы блокада, интервенция, внутренняя гражданская война опрокинули пролетарскую диктатуру, великий урок социалистического строительства сохранил бы всю свою силу для дальнейшего развития человечества. Временно побежденная, Октябрьская революция была бы экономически и культурно полностью оправдана и, следовательно, возродилась бы снова. Важнейшая задача

пролетарского авангарда состоит, однако, в том, чтоб закрыть двери перед этим худшим историческим вариантом, охраняя и укрепляя Октябрьскую революцию и превращая ее в пролог мировой.

Основные противоречия переходного периода.

Совершенно ложной является официально господствующая ныне доктрина фаталистического оптимизма, согласно которой дальнейший быстрый рост индустриализации и коллективизации обеспечен будто бы заранее и автоматически ведет к построению социализма в отдельной стране.

Если развернутое социалистическое хозяйство возможно лишь, как гармоничное, внутренне пропорциональное и, следовательно, бескризисное, то, наоборот, переходное, от капитализма к социализму, хозяйство является очагом противоречий, причем самые глубокие и острые еще впереди. Советский Союз вступил не в социализм, как учит правящая сталинская фракция, а лишь в первую стадию развития в направлении социализма.

В основе хозяйственных трудностей, сменяющих друг друга кризисов, крайнего напряжения всей советской системы и ее политических потрясений покоится ряд противоречий разного исторического происхождения и по-разному сочетающихся друг с другом. Назовем главнейшие:

а) Наследие капиталистических и докапиталистических противоречий старой царско-буржуазной России, прежде всего, противоречие между городом и деревней.

б) Противоречие между общей культурно-экономической отсталостью России и диалектически выросшими из этой отсталости задачами социалистического преобразования.

в) Противоречие между рабочими государством и капиталистическим окружением, в частности — между монополией внешней торговли и мировым рынком.

Эти противоречия имеют отнюдь не кратковременный, эпизодический характер; наоборот, значение важнейших из них в дальнейшем будет возрастать.

Противоречия переходного периода: индустриализация.

Осуществление пятилетнего плана представляло бы собою гигантский шаг вперед по сравнению с тем нищенским наследством, какое пролетариат вырвал из рук эксплуататоров. Но и одержав свою первую плановую победу, советский Союз еще не вышел бы из первого этапа переходного периода. Социализм, как система производства не для рынка, а для удовлетворения человеческих потребностей, мыслим только на основе высоко развитых производительных сил. Между тем, по количеству благ, приходящихся в среднем на душу населения, СССР даже в конце пятилетки все еще будет одной из самых отсталых стран. Для того, чтобы он действительно сравнялся с передовыми странами капитала, понадобился бы ряд пятилетних программ. Между тем, производственные успехи последних лет, сами по себе отнюдь не обеспечивают непрерывного роста в дальнейшем. Именно быстрота промышленного развития накапливает диспропорции, отчасти унаследованные от прошлого, отчасти вырастающие из сложности новых задач, отчасти порождаемые методологическими ошибками руководства в сочетании с прямым вредительством. Замена хозяйственного руководства административным подстегиванием, при отсутствии сколько-нибудь серьезной коллективной проверки, ведет неизбежно к внедрению ошибок в самый фундамент хозяйства

и к подготовке новых и новых «узких мест» внутри хозяйственного процесса. Загнанные внутрь диспропорции неизбежно вернутся на следующей стадии в виде несоответствия между средствами производства и сырьем, между транспортом и промышленностью, между количеством и качеством, наконец, в виде расстройств денежной системы. Все эти кризисы таят в себе тем большие опасности, чем менее нынешнее государственное руководство способно их своевременно предвидеть.

Противоречия переходного периода:
коллективизация.

«Сплошная» коллективизация, даже если бы она действительно завершилась в течение ближайших двух-трех лет, вовсе не означала бы ликвидации кулачества, как класса. Форма производственной кооперации, при недостатке технической и культурной базы, неспособна приостановить дифференциацию внутри мелких товаропроизводителей и выделение из их среды капиталистических элементов. Для действительной ликвидации кулачества необходимы полная революция земледельческой техники и превращение крестьянина, наряду с промышленным пролетариатом, в работников социалистического хозяйства и в членов бесклассового общества. Но это перспектива десятилетий. При преобладании же индивидуального крестьянского инвентаря и личной или групповой заинтересованности его собственников, дифференциация крестьянства неизбежно возобновится и усилится именно в случае относительной успешности коллективизации, т.е. при общем возрастании продукции сельского хозяйства. Если предположить далее, что коллективизация, вместе с элементами новой техники, значительно повысит производительность сельскохозяйственного труда, без чего коллективизация не была бы экономически оправдана и, следовательно, не могла бы удержаться, то это сразу дало бы в деревне, и сейчас страдающей от перенаселения, десять-двадцать и более миллионов избыточных рабочих сил, которых не смогла бы поглотить промышленность даже при самых оптимистических планах. Росту избыточного, т.е. полу-пролетарского, полу-пауперского населения, не находящего себе места в колхозах, соответствовал бы на другом полюсе рост богатых колхозов и более зажиточных крестьян внутри бедных и средних колхозов. При близоруком руководстве, априорно объявляющем колхозы социалистическими предприятиями, капиталистически-фермерские элементы могут найти в коллективизации наилучшее для себя прикрытие, чтоб стать тем более опасным для пролетарской диктатуры.

Экономические успехи нынешнего переходного периода не ликвидируют, таким образом, основные противоречия, а готовят их углубленное воспроизведение на новой более высокой исторической основе.

Противоречия переходного периода:
СССР и мировое хозяйство.

Капиталистическая Россия, несмотря на отсталость, уже представляла собою нераздельную часть мирового хозяйства. Эту зависимость части от целого Советская республика унаследовала от прошлого, вместе со всей географической, демографической и экономической структурой страны. Сложившаяся в 1924 — 1927 годах теория самодовлеющего национального социализма отражала первый, крайне низкий период возрождения хозяйства после войны, когда еще не успели пробудиться его мировые потребности. Нынешняя напряженная борьба за расширение советского экспорта является наглядным опровержением иллюзий национал-социализма. Цифры внешней торговли все больше становятся командующими цифрами по отношению к планам и темпам социалистического строительства. Между тем, проблема внешней торговли, или иначе:

проблема взаимоотношения между переходным советским хозяйством и мировым рынком, только еще начинает обнаруживать свое решающее значение.

Академически можно, разумеется, конструировать в границах СССР замкнутое и внутренне-уравновешенное социалистическое хозяйство; но долгий исторический путь к этому «национальному» идеалу вел бы через гигантские экономические сдвиги, социальные потрясения и кризисы. Одно лишь удвоение нынешней урожайности, т.е. приближение ее к европейской, поставило бы перед советским хозяйством грандиозную задачу реализации сельскохозяйственного избытка в десятки миллионов тон. Справиться с этой проблемой, как и с не менее острой проблемой возрастающего деревенского перенаселения, можно было бы только радикальным перераспределением гигантских человеческих масс между разными отраслями хозяйства и полной ликвидацией противоречия между городом и деревней. Но задача эта — одна из основных задач социализма — потребовала бы, в свою очередь, обращения к ресурсам мирового рынка в небывалых ранее размерах.

В последнем счете все противоречия развития СССР приводят, таким образом, к противоречию между изолированным рабочим государством и его капиталистическим окружением. Невозможность построения самодовлеющего социалистического хозяйства в отдельной стране возрождает основные противоречия социалистического строительства на каждой новой стадии все в большем масштабе и с большей глубиной. В этом смысле диктатура пролетариата в СССР должна была бы неизбежно потерпеть крушение, если бы капиталистический режим во всем остальном мире оказался способен продержаться еще в течение большой исторической эпохи. Считать, однако, такую перспективу неизбежной или хотя бы наиболее вероятной могут только те, которые верят в незыблемость капитализма или в его долговечность. Левая оппозиция не имеет с таким капиталистическим оппортунизмом ничего общего. Но столь же мало может она мириться с теорией национал-социализма, которая выражает собою капитуляцию перед капиталистическим оптимизмом.

Мировой кризис и экономическое «сотрудничество» империалистов с СССР.

Проблема внешней торговли, в ее нынешней исключительной остроте, застигла руководящие органы СССР врасплох и уже поэтому одним стала элементом расстройств хозяйственных планов. Несостоятельным оказалось перед лицом этой проблемы и руководство Коминтерна. Мировая безработица сделала вопрос развития экономических сношений между капиталистическими странами и СССР жизненным вопросом для широких масс рабочего класса. Перед советским правительством и Коминтерном открылась исключительная возможность привлечь, на почве жизненного и жгучего вопроса, социал-демократических и беспартийных рабочих к ознакомлению с советским пятилетним планом и с преимуществами социалистических методов хозяйства. Под лозунгом экономического сотрудничества, во всеоружии конкретной программы, коммунистический авангард мог бы повести гораздо более действительную борьбу против блокады и интервенции, чем путем повторения одних и тех же голых заклинаний. Проблему планового европейского и мирового хозяйства можно было бы поднять на небывалую высоту и дать таким образом новое питание лозунгам мировой революции. Коминтерн не сделал в этой области почти ничего.

В то время, как мировая буржуазная печать, включая и социал-демократическую, сразу мобилизовалась для травли мнимого советского дэмпинга, коммунистические партии растерянно топчутся на месте. В то время, как советское правительство на глазах всего мира ищет иностранных рынков и кредитов, бюрократия Коминтерна объявляет лозунг экономического сотрудничества с СССР «контр-революционным» лозунгом. Такого рода постыдные нелепости, как бы специально созданные для запутывания рабочего класса, являются прямым последствием гибельной теории социализма в отдельной стране.

II. Партия в системе диктатуры

Диалектическое взаимоотношение между экономикой и политикой.

Экономические противоречия переходного хозяйства развертываются не в безвоздушном пространстве. **Политические** противоречия режима диктатуры, хотя и вырастающие в последнем счете из экономических, имеют для судьбы диктатуры самостоятельное и притом более непосредственное значение, чем хозяйственные кризисы.

Продуктом вульгарного «экономического», не диалектического материализма является нынешнее официальное учение, согласно которому рост национализованной промышленности и колхозов автоматически и непрерывно укрепляет режим пролетарской диктатуры. На самом деле взаимоотношение между экономическим фундаментом и политической надстройкой имеет гораздо более сложный и противоречивый характер, особенно в революционную эпоху. Диктатура пролетариата, выросшая из отношений буржуазного общества, обнаружила свое могущество в период, предшествовавший как национализации промышленности, так и коллективизации сельского хозяйства. В дальнейшем диктатура проходила через периоды укрепления и ослабления, в зависимости от хода внутренней и мировой классовой борьбы. Экономические достижения покупались нередко ценой политического ослабления режима. Именно это диалектическое взаимоотношение между экономикой и политикой и вызывало, непосредственно, крутые повороты экономической политики правительства, начиная с НЭПа и кончая последними зигзагами коллективизации.

Партия, как орудие и как мерило успехов.

Как и все политические учреждения, партия является в последней инстанции продуктом производственных отношений общества. Но она вовсе не является автоматическим счетчиком их изменений. Являясь сгустком исторического опыта пролетариата, в известном смысле всего человечества, партия возвышается над конъюнктурными и эпизодическими изменениями экономических и политических условий, что только и сообщает ей необходимую силу предвидения, инициативы и сопротивления.

Совершенно неоспоримым можно считать тот вывод, что если диктатура в России осуществилась, а затем устояла в наиболее критические моменты, то лишь благодаря тому, что в лице большевистской партии она имела свой центр сознания и воли. Несостоятельность и, в последнем счете, реакционность всех разновидностей анархизма и анархо-синдикализма состоит именно в том, что они не понимают решающего значения революционной партии, особенно на высшей стадии классовой борьбы, в эпоху пролетарской революции. Социальные противоречия могут, без сомнения, достигнуть такой остроты, при которой никакая партия не способна найти выход. Но не менее верно, что при ослаблении партии или при ее перерождении даже и преодолимый кризис хозяйства может стать причиной низвержения диктатуры.

Экономические и политические противоречия советского режима пересекаются в правящей партии. Острота опасности при каждом очередном кризисе находится в прямой зависимости от состояния партии. Как ни велико значение темпов индустриализации и коллективизации самих по себе, оно отступает, однако, на второй план перед вопросом: сохранила ли партия марксистскую ясность зрения, идейную сплоченность, способность коллективно вырабатывать свое мнение и самоотверженно бороться за него? Под этим углом зрения состояние партии дает высшую проверку состояния пролетарской диктатуры, являясь синтетическим мерилom ее устойчивости. Если во имя достижения тех или других практических целей партии навязана ложная теоретическая установка; если партийная масса

принудительно отстранена от руководства политикой; если авангард растворен в сырых человеческих массах; если партийные кадры держатся в повиновении аппаратом государственных репрессий, то это значит, что, несмотря на хозяйственные успехи, общий баланс диктатуры сводится с дефицитом.

Замещение партии аппаратом.

Только слепцы, наемники или обманутые могут отрицать тот факт, что правящую партию СССР, руководящую партию Коминтерна, окончательно подавил и заменил собою аппарат. Гигантская разница между бюрократизмом 1923 и бюрократизмом 1931 года определяется как происшедшей за этот промежуток окончательной ликвидацией зависимости аппарата от партии, так и плебисцитарным перерождением самого аппарата.

От партийной демократии не осталось ныне и видимости. Местные организации подбираются и самовластно перестраиваются секретарями. Новые члены партии вербуются по нарядам центра, методами политической повинности. Секретари на местах назначаются Центральным комитетом, который официально и открыто превращен в совещательный орган при генеральном секретаре. Съезды откладываются по произволу, делегаты подбираются сверху по признаку солидарности с несменяемым вождем. Даже тень контроля низов над верхами устранена. Члены партии систематически дрессируются в духе пассивного подчинения. Всякий проблеск самостоятельности, независимости, стойкости, т.е. тех черт, которые составляют природу революционера, подавляется, преследуется, топчется ногами.

В аппарате остается, несомненно, немало честных и преданных революционеров. Но история послеленинского периода — цепь все более грубых фальсификаций марксизма, беспринципных маневров и циничных издевательств над партией, — была бы невозможна без возрастающего преобладания в аппарате послушных чиновников, готовых на все.

Под покровом фальшивой монолитности двойственность насквозь проникает жизнь партии. Официальные решения выносятся единогласно. В то же время все слои партии изъедены непримиримыми противоречиями, которые ищут для своего проявления обходных путей. Беседовские руководят чисткой партии от левой оппозиции накануне того, как перебегают в лагерь врага. Блюмкиных расстреливают и заменяют Агабековыми. Сырцов, назначенный председателем Совнаркома РСФСР, вместо «полуизменника» Рыкова, оказывается вскоре обвиненным в подпольной работе против партии. Рязанов, глава важнейшего научного учреждения партии, обвиняется, после торжественно отпразднованного юбилея, как участник контр-революционного заговора. Освободив себя от контроля партии, бюрократия сама лишила себя возможности контролировать партию иначе, как через ГПУ, где Менжинские и Ягоды воспитывают Агабековых.

Паровой котел может и при грубом обращении долго производить полезную работу. Но манометр есть тонкий инструмент, который от толчков быстро приходит в расстройство. При негодном манометре легко довести самый лучший котел до взрыва. Если бы партия была только орудием ориентировки, как манометр, или компас на судне, и в этом случае ее расстройство грозило бы великими бедствиями. Но партия составляет, сверх того, важнейшую часть механизма управления. Выкованный Октябрьской революцией советский котел способен и при плохих механиках производить гигантскую работу. Но уже одно расстройство манометра знаменует постоянную опасность взрывов всей машины.

Социалистическое отмирание партии?

Апологеты и адвокаты сталинской бюрократии пытаются иногда представить бюрократическую ликвидацию партии, как прогрессивный процесс растворения партии в классе, объясняющийся успехами социалистического преобразования общества. В этих теоретических потугах безграмотность соревнуется с шарлатанством. Говорить о растворении партии в классе можно было бы лишь, как об оборотной стороне процесса притупления классовых противоречий, отмирания политики, схождения на нет всех видов бюрократизма и, прежде всего, **уменьшения роли принуждения** в общественных отношениях. Между тем, те процессы, которые происходят в СССР и в правящей партии имеют во многих отношениях противоположный характер. Принудительная дисциплина не только не отмирает, — нелепо было бы этого и ждать на данном этапе, — но, наоборот, принимает исключительно жесткий характер во всех областях общественной и личной жизни. Организованное участие в политике партии и класса сведено фактически к нулю. Разгул бюрократизма не знает предела. Выдавать при этих условиях диктатуру сталинского аппарата за социалистическое отмирание партии значит издеваться над диктатурой и над партией.

Брандлерианское оправдание плебисцитарного бюрократизма.

Правые попутчики центризма, брандлерианцы, пытаются оправдать удушение партии сталинской бюрократией ссылками на «некультурность» рабочей массы, что не мешает им, в то же время, признавать за русским пролетариатом одиозную монополию на построение социализма в отдельной стране.

Общая экономическая и культурная отсталость России несомненна. Но развитие исторически запоздалых наций имеет **комбинированный** характер: чтоб справиться со своей отсталостью, они оказываются вынуждены во многих областях усваивать и развивать наиболее передовые формы. Научная доктрина пролетарской революции была создана революционерами отсталой Германии середины XIX века. Благодаря своей запоздалости германский капитализм опередил в дальнейшем капитализм Англии и Франции. Промышленность отсталой буржуазной России была самой концентрированной в мире. Молодой пролетариат России первый показал в действии сочетание всеобщей стачки с восстанием, первый создал Советы и первый овладел властью. Запоздалость русского капитализма не помешала, наоборот, только и сделала возможным воспитание самой дальнороркой пролетарской партии, которая когда-либо существовала.

Отбор революционного класса в революционную эпоху, большевистская партия жила богатой и бурной внутренней жизнью в самые критические периоды своей истории. Посмел бы кто-нибудь до Октября или в первые годы после переворота сослаться на «отсталость» русского пролетариата в защиту бюрократизма в партии! Между тем, происшедшее со времени завоевания власти несомненное повышение общего культурного уровня рабочих привело не к расцвету партийной демократии, а, наоборот, к ее полному угашению. Ссылки на приток рабочих из деревни ничего не объясняют, так как этот фактор действовал всегда, и так как культурный уровень деревни со времени переворота значительно повысился. Наконец, партия — не класс, а авангард его: она не может оплачивать свой численный рост снижением своего политического уровня. Брандлерианская защита плебисцитарного бюрократизма, опирающаяся на трэд-юнионистское, а не большевистское понимание партии, есть, по существу, самозащита, ибо в период наибольших падений и унижений центризма правые являлись наиболее надежной его опорой.

Почему победила центристская бюрократия?

Чтобы по марксистски объяснить, почему победила центристская бюрократия, и почему для удержания своей победы она оказалась вынужденной задушить партию, надо исходить не

из отвлеченной «культурности» пролетариата, а из изменения взаимоотношений между классами и изменения настроений отдельных классов.

После героического напряжения сил в годы переворота и гражданской войны, периода великих надежд и неизбежных иллюзий, пролетариат не мог не пройти через длительный период усталости, упадка энергии и отчасти прямого разочарования в результатах революции. Силою законов классовой борьбы реакция в пролетариате вызвала чрезвычайный прилив надежд и уверенности в мелко-буржуазных слоях города и деревни и в буржуазных элементах государственной бюрократии, значительно окрепших на основах НЭПа. Разгром болгарского восстания в 1923 году, бесславное поражение немецкого пролетариата в 1923 г., разгром эстонского восстания в 1924 г., вероломная ликвидация всеобщей стачки в Англии в 1926 г., разгром китайской революции в 1927 г., связанная со всеми этими катастрофами стабилизация капитализма — такова мировая обстановка борьбы центристов против большевиков-ленинцев. Поругание «перманентной», т.е. по существу дела международной революции, отказ от смелой политики индустриализации и коллективизации, ставка на кулака, союз с «национальной» буржуазией в колониях и с социал-империалистами в метрополии — таково политическое содержание блока центристской бюрократии с силами термидора. Опираясь на окрепшую и обнаглевшую мелкую буржуазию и буржуазную бюрократию, эксплуатируя пассивность уставшего и дезориентированного пролетариата и поражения революции во всем мире, центристский аппарат в течение нескольких лет разгромил левое, революционное крыло партии.

Курс зигзагов есть политика бюрократического лавирования между классами.

Политические зигзаги аппарата не случайны. В них выражается приспособление бюрократии к противоположным классовым силам. Курс 1923 — 1928 г.г., если оставить в стороне частные колебания, представлял собою полукапитуляцию бюрократии перед кулачеством — внутри, перед мировой буржуазией и ее реформистской агентурой — вовне. Почувствовав нарастающую враждебность пролетариата и увидев дно термидорианской пропасти, к самому краю которой они сползли, сталинцы отскочили влево. Резкость скачка соответствовала силе паники, вызванной в их рядах последствиями их собственной политики, вскрытыми критикой левой оппозиции. Курс 1928-31 годов, если опять-таки отвлечься от неизбежных колебаний и рецидивов, представляет собой попытку бюрократии приспособиться к пролетариату, не отказываясь, однако, ни от принципиальных основ своей политики, ни, главное, от своего всевластия.

Зигзаги сталинизма показывают, что бюрократия — не класс, не самостоятельный исторический фактор, а служебная сила, исполнительный орган классов. Левый зигзаг свидетельствует, что, как далеко ни зашел предшествующий правый курс, он разворачивался все же на фундаменте диктатуры пролетариата. Но бюрократия в то же время и не пассивный орган, который только преломляет внушения класса. Не имея той абсолютной самостоятельности, иллюзия которой живет во многих бюрократических черепках, правящий аппарат располагает, однако, очень большой относительной самостоятельностью. Бюрократия непосредственно владеет государственной властью, возвышается над классами, накладывает могучую печать на их развитие и, если сама не может стать базой государственной власти, то может своей политикой чрезвычайно облегчить переход власти из рук одного класса в руки другого.

Политика лавирования несовместима с самодеятельностью пролетарской партии.

Над всеми задачами стоит для бюрократии задача самосохранения. Все ее повороты **непосредственно** вытекают для нее из стремления сохранить свою самостоятельность, свои

позиции, свою власть. Но политика лавирования, требующая полной свободы рук, несовместима с наличием самодетельной партии, привыкшей к контролю и требующей отчета. Отсюда вытекает система насильственного разрушения партийной идеологии и сознательного сеянья путаницы.

Курс на кулака, вредительски-меньшевистские программы индустриализации и коллективизации, блок с Перселем, Чан-Кай-Ши, Ляфолетом, Радичем, создание крестьянского «Интернационала», лозунг двухсоставной партии, — все это объявлялось ленинизмом. На оборот, курс на индустриализацию и коллективизацию; требование партийной демократии; лозунг советов в Китае; борьба против двухсоставных партий во имя партии пролетариата; разоблачение пустоты и фальши Крестинтерна, Антиимпериалистической Лиги и других потемкинских деревень, — все это получило название «троцкизма».

С момента поворота 1928 г. маски были перекрашены, но маскарад не прекратился. Провозглашение вооруженного восстания и советов в Китае во время торжества контрреволюции; авантюристские хозяйственные темпы в СССР под административным кнутом; «ликвидация кулачества, как класса», в течение двух лет; отказ от единого фронта с реформистами, независимо от времени и места; отказ от лозунгов революционной демократии для исторически отсталых стран; провозглашение «третьего периода» во время экономического подъема, — все это отныне было названо ленинизмом. Наоборот, требование реалистических хозяйственных планов, приспособленных к силам и потребностям рабочих; отклонение программы ликвидации кулачества на основе крестьянского инвентаря; отвержение метафизики «третьего периода» во имя марксистского анализа экономических и политических процессов во всем мире и в каждой отдельной стране — все это теперь было объявлено «контр-революционным троцкизмом».

Идеологической связью между двумя периодами бюрократического маскарада остается теория социализма в отдельной стране, основная хартия советской бюрократии, ставящая ее над мировым пролетарским авангардом и заранее освящающая все ее действия, повороты, ошибки и преступления.

Ткань партийного сознания создается медленно и нуждается в постоянном обновлении путем марксистской оценки пройденного пути, анализа изменений обстановки, революционного прогноза. Без неутомимой критической внутренней работы партия неизбежно приходит в упадок. Между тем, борьба бюрократии за самосохранение исключает открытое сопоставление сегодняшней политики со вчерашней, т.е. проверку одного зигзага другим. Чем менее у правящей фракции чиста совесть, тем больше она превращается в орден авгугов, говорящих на условном языке и требующих признания непогрешимости старшего авгура. Вся история партии и революции приспособляется для нужд бюрократического самосохранения. Легенда нагромождается на легенду. Основные истины марксизма клеймятся, как уклон. Так, в процессе зигзагов между классами все больше и больше трепалась и раздергивалась в течение последних восьми лет основная ткань партийного сознания. Административные погромы доделывали остальное.

Плебисцитарный режим в партии.

Победив и задушив партию, бюрократия не может позволить себе роскошь разногласий в собственных рядах, дабы не быть вынужденной апеллировать к массам за разрешением спорных вопросов. Ей нужен постоянный третейский судья, политический начальник. Весь аппарат подбирается вокруг «шефа». Так сложился плебисцитарно-аппаратный режим.

Бонапартизм есть одна из форм победы буржуазии над восстанием народных масс. Отождествлять нынешний советский режим с социальным режимом бонапартизма, как это делает Каутский, значит сознательно скрывать от рабочих, в интересах буржуазии, различие классовых фундаментов. Тем не менее можно с полным основанием говорить о завершившемся плебисцитарном перерождении сталинского аппарата, или о бонапартистской системе управления партией, как об одной из предпосылок бонапартистского режима в стране. Новый политический порядок не возникает из ничего. Пришедший к власти класс строит аппарат своего господства из тех элементов, которые оказываются налицо в момент революционного или контр-революционного переворота. Руководимые меньшевиками и эсерами советы являлись, во время Керенского, последним политическим ресурсом буржуазного режима. В то же время советы, прежде всего в лице большевиков, были очагом подготавливавшейся диктатуры пролетариата. Нынешний советский аппарат представляет собою бюрократическую плебисцитарно-искаженную форму диктатуры пролетариата. Но в то же время — потенциальное орудие бонапартизма. Между нынешней функцией аппарата и его возможной функцией должна была бы еще пролиться кровь гражданской войны. Но победоносная контр-революция именно в плебисцитарном аппарате нашла бы неопределимые элементы для установления своего господства, как и самая ее победа была бы невысказана, без перехода решающих частей аппарата на сторону буржуазии. Вот почему плебисцитарный сталинский режим превратился в главную опасность для диктатуры пролетариата.

III. Опасности и возможности контрреволюционного переворота.

Соотношение социалистических и капиталистических тенденций.

Соединенным действием экономических успехов и административных мер удельный вес капиталистических элементов в народном хозяйстве за последние годы чрезвычайно сокращен, особенно в промышленности и торговле. Коллективизация и раскулачивание значительно снизили для данного периода эксплуататорскую роль деревенской верхушки. Соотношение социалистического и капиталистического элементов хозяйства несомненно изменилось к выгоде первого. Игнорировать или, тем более, отрицать эти факты, как делают ультра-левые, или вульгарные оппозиционеры, повторяющие общие фразы о нэпмане и кулаке, совершенно недостойно марксистов.

Не менее ложно, однако, считать нынешнее процентное отношение обеспеченным или, еще хуже, измерять степень осуществления социализма удельным весом государственного и частного хозяйства внутри СССР. Усиленная ликвидация внутренних капиталистических элементов, в том числе и методами административного головокружения, совпала с усиленным выходом СССР на мировой рынок. Вопрос об удельном весе капиталистических элементов в СССР нельзя поэтому ставить вне связи с вопросом об удельном весе СССР в мировом хозяйстве.

Нэпман, посредник, кулак являются, несомненно, естественными агентами мирового империализма: ослабление первых означает тем самым ослабление последнего. Но вопрос этим не исчерпывается: помимо нэпмана существует государственный чиновник. Ленин напоминал, на последнем съезде партии, прошедшем с его участием, что нередко в истории народ-завоеватель, по крайней мере, его верхний слой, воспринимал нравы и верования побежденного им более культурного народа, и что аналогичные процессы возможны и в борьбе классов. Советская бюрократия, представляющая амальгаму верхнего слоя победоносного пролетариата с широкими слоями низвергнутых классов, включает в свой состав могущественную агентуру мирового капитала.

Элементы двоевластия.

Два судебных процесса — специалистов-вредителей и меньшевиков — дали чрезвычайно яркую картину соотношения классов и партий в Советском Союзе. Судебными органами непрерываемо установлено, что, в течение 1923-1928 г.г., буржуазные специалисты, в тесной связи с заграничными центрами буржуазии, с успехом проводили искусственное замедление индустриализации, в расчете на восстановление капиталистических отношений. Элементы двоевластия в стране пролетарской диктатуры получили такой вес, что прямые агенты капиталистической реставрации, вместе с их демократическими пособниками, меньшевиками, могли играть руководящую роль во всех хозяйственных центрах Советской республики! Как далеко, с другой стороны, центризм сполз в сторону буржуазии, если официальная политика партии в течение ряда лет могла служить легальным прикрытием для планов и методов капиталистической реставрации!

Левый зигзаг Сталина, являясь объективным свидетельством могучей жизненности пролетарской диктатуры, поворачивающей бюрократию вокруг ее оси, ни в каком случае не воссоздал, однако, ни последовательно пролетарской политики, ни полнокровного режима пролетарской диктатуры. Заложенные в бюрократическом аппарате элементы второй власти не исчезли с наступлением нового курса, а только перекрасились и перевооружились. Они несомненно даже окрепли, поскольку плебисцитарное перерождение аппарата продвинулось вперед. Вредители придают ныне авантюристский размах темпам, подготавливая опасные кризисы. Чиновники с полным усердием вывешивают вывеску социализма над теми колхозами, в которых укрываются кулаки. Не только идейные, но и организационные щупальца контр-революции глубоко проникают в органы пролетарской диктатуры и тем легче принимают покровительственную окраску, что вся жизнь официальной партии основана на фальши и подделке. Элементы второй власти тем опаснее, чем меньше у подавленного пролетарского авангарда возможностей своевременно вскрывать их, чтоб очищать от них свои ряды.

Без партии социалистическое строительство в переходную эпоху невозможно.

Политика есть концентрированная экономика, а политика диктатуры — самая концентрированная из всех возможных политик. Перспективный хозяйственный план — не заранее данная догма, а рабочая гипотеза. Коллективная проверка плана должна происходить в процессе его выполнения, причем элементами проверки являются не только цифры бухгалтерии, но и мускулы и нервы рабочих и политическое самочувствие крестьян. Прощупывать, проверять, суммировать, обобщать все это может только активная, самостоятельная, уверенная в себе партия. Пятилетний план был бы невыносим без уверенности в том, что все участники хозяйственного процесса, правления заводов и трестов, с одной стороны, завкомы, с другой, будут подчиняться партийной дисциплине, а беспартийные рабочие не выйдут из-под руководства ячеек и завкомов.

Партийная дисциплина тем временем окончательно слилась с административной. Аппарат оказывался всемогущим, — оказывается еще и сегодня, — поскольку имел возможность расходовать основной капитал большевистской партии. Этот капитал велик, но не безграничен. Перенапряжение бюрократического командования достигло, с момента разгрома правого крыла, высшего предела. Дальше по этому пути некуда идти. Но этим самым подготовлен прорыв административной дисциплины.

С того момента, как партийная традиция — у одних, страх перед нею — у других, перестанут связывать официальную партию воедино, и враждебные тенденции прорвутся наружу, государственное хозяйство сразу почувствует на себе всю силу политических противоречий. Каждый трест и каждый завод начнет нарушать идущие сверху планы и директивы, чтобы собственными средствами обеспечить свои интересы. Сделки между

заводами и частным рынком за спиной государства из исключения станут правилом. Борьба между заводами за рабочую силу, за сырье, за рынки сбыта автоматически вызовет борьбу рабочих за лучшие условия труда. Неизбежная на этих путях ликвидация планового начала означала бы не только восстановление внутреннего рынка, но и прорыв монополии внешней торговли. Правления трестов быстро приблизились бы к положению частных собственников или агентов иностранного капитала, к которому многим из них пришлось бы обратиться, в борьбе за существование. В деревне, где неустойчивые колхозные формы едва успели захватить мир мелких товаропроизводителей, крушение планового начала сразу разнуздало бы стихию первоначального накопления. Административный нажим не мог бы спасти положение уже потому одному, что бюрократический аппарат первый стал бы жертвой прорвавшихся противоречий и центробежных тенденций. Без одухотворяющей и цементирующей силы коммунистической партии советское государство и плановое хозяйство были бы, таким образом, обречены на крушение.

Распад официальной партии несет с собой опасность гражданской войны.

Крушение плебисцитарной дисциплины захватило бы не только партийные, административные, хозяйственные, профессиональные и кооперативные органы, но и Красную армию и ГПУ; при известных условиях взрыв мог бы начаться именно с этого конца. Это одно показывает, что переход власти в руки буржуазии ни в коем случае не мог бы свестись к одному лишь перерождению, но неизбежно должен был бы принять форму открытого насильственного переворота.

В какой политической форме он мог бы произойти? На этот счет можно наметить только основные тенденции. Под **термидорианским** переворотом левая оппозиция понимала всегда такой сдвиг власти от пролетариата к буржуазии, который, будучи уже по существу решающим, совершается еще в формальных рамках советской системы, под знаменем одной фракции официальной партии против другой. В противовес этому **бонапартистский** переворот является более открытой, более «зрелой» формой буржуазной контр-революции, совершаемой против советской системы и большевистской партии в целом, в виде обнаженной сабли, поднявшейся во имя буржуазной собственности. Разгром правого крыла партии и его отречение от своей платформы уменьшают шансы первой, переходной, замаскированной, т.е. термидорианской формы переворота. Плебисцитарное перерождение партийного аппарата несомненно увеличивает шансы бонапартистской формы. Однако, термидор и бонапартизм не представляют собою каких-либо непримиримых классовых типов, а являются лишь стадиями развития одного и того же типа, причем живой исторический процесс неистощим в области создания переходных и комбинированных форм. Одно несомненно: если б буржуазия осмелилась поставить вопрос о власти открыто, последний ответ был бы дан взаимопроверкой классовых сил в смертельной схватке.

Два лагеря гражданской войны.

В случае, если бы молекулярный процесс накопления противоречий привел ко взрыву, сплочение враждебных лагерей совершалось бы под огнем, вокруг тех политических центров, которые накануне еще были нелегальными. Центризм, как командующая фракция, немедленно стал бы, вместе с административным аппаратом, жертвой политической дифференциации. Его составные элементы распределились бы по двум сторонам баррикады. Кто занял бы в лагере контр-революции на первых порах главное место: авантюристски-преторианские элементы, типа Тухачевского, Блюхера, Буденного, прямые отбросы, типа Беседовского, или же более тяжеловесные элементы, типа Рамзина и Осадчего, — это определилось бы в зависимости от момента и условий перехода контр-революции в наступление. Но самый вопрос мог бы иметь лишь эпизодическое значение. Тухачевские и

Беседовские способны лишь послужить ступенькой для Рамзиных и Осадчих; эти, в свою очередь, пригодны лишь, как ступенька для империалистской диктатуры, которая очень скоро отбросила бы обе ступеньки, если бы ей даже и не удалось сразу перепрыгнуть через них. Меншевики и эсеры входили бы при этом в блок с преторианским крылом центризма и прикрывали бы империалистов на крутом спуске революции, как в 1917 году они пытались прикрыть их на крутом подъеме.

В противоположном лагере произошла бы не менее решительная перегруппировка сил под знаменем борьбы за Октябрь. Революционные элементы советов, профсоюзов, кооперативов, армии, наконец и прежде всего, передовые рабочие на заводах почувствовали бы перед лицом грозной опасности необходимость тесно сплотиться под ясными лозунгами, вокруг испытанных и проверенных революционных кадров, неспособных ни на капитуляцию, ни на измену. Не только центристская фракция, но и правое крыло партии выделили бы немало революционеров, которые защищали бы Октябрьскую революцию с оружием в руках. Но им для этого понадобилось бы болезненное внутреннее размежевание, неосуществимое без периода растерянности, колебаний и потери времени. В этих решающих условиях фракция большевиков-ленинцев, резко очерченная всем своим прошлым, и закаленная в тягчайших испытаниях, призвана была бы сыграть роль кристалла, опущенного в насыщенный раствор. Вокруг левой оппозиции пошел бы процесс сплочения революционного лагеря и возрождения подлинной коммунистической партии. Наличие ленинской фракции удвоило бы шансы пролетариата в борьбе с силами контрреволюционного переворота.

IV. Левая оппозиция и СССР.

Против национал-социализма — за перманентную революцию.

Демократические задачи отсталой России могли быть разрешены не иначе, как путем диктатуры пролетариата. Завоевав власть во главе крестьянских масс, пролетариат не мог, однако, остановиться на демократических задачах. Демократическая революция непосредственно переплелась с первой стадией социалистической революции. Но эта последняя не может быть завершена иначе, как на интернациональной арене. Выработанная Лениным программа большевистской партии рассматривает Октябрьский переворот, как первый этап мировой пролетарской революции, от которой он не отделим. Это и есть существо доктрины **перманентной революции**.

Чрезвычайное замедление в развитии международной революции, создавая для СССР огромные трудности и выдвигая своеобразные переходные методы, не меняет, однако, основных перспектив и задач, вытекающих из мирового характера капиталистического хозяйства и из перманентного характера мировой пролетарской революции.

Международная левая оппозиция категорически отвергает и осуждает созданную эпигонами в 1924 г. теорию социализма в отдельной стране, как худшую реакцию против марксизма, как основное завоевание термидорианской идеологии. Непримируемая борьба против сталинизма, или национал-социализма, нашедшего свое выражение в программе Коммунистического Интернационала, является необходимым условием правильной революционной стратегии как в вопросах международной классовой борьбы, так и в сфере хозяйственных задач СССР.

Режим двоевластия или элементы двоевластия в режиме пролетарской диктатуры?

Если исходить из того бесспорного факта, что ВКП окончательно перестала быть партией, то не приходится ли прийти к выводу, что в СССР нет диктатуры пролетариата, ибо последняя

немыслима без правящей пролетарской партии? Такое заключение, на первый взгляд вполне последовательное, представляет, однако, карикатуру на действительность, притом реакционную карикатуру, игнорирующую творческие возможности режима и скрытые резервы диктатуры. Если партии, как партии, т.е. как самостоятельной организации авангарда, не существует, то это не значит, что ликвидированы все элементы партии, унаследованные от прошлого. В рабочем классе жива и сильна традиция Октябрьского переворота; крепки навыки классового мышления; в старшем поколении не забыты уроки революционных боев и выводы большевистской стратегии; в народных, особенно пролетарских массах жива ненависть к господствовавшим прежде классам и их партиям. Все эти тенденции составляют в совокупности не только резерв будущего, но и сегодняшнюю живую силу, сохраняющую Советский Союз, как рабочее государство.

Между творческими силами революции и бюрократией существует глубокий антагонизм. Но если сталинский аппарат останавливается все же перед известными рубежами, если он оказывается вынужден даже круто поворачивать влево, то это происходит прежде всего под давлением неоформленных, разрозненных, но еще могущественных элементов революционной партии. Силу этого фактора нельзя выразить в числах. Но сегодня он во всяком случае достаточно могущественен, чтобы поддерживать здание диктатуры пролетариата. Игнорировать его, значит становиться целиком на почву бюрократического мышления и искать партию там и только там, где командует сталинский аппарат.

Левая оппозиция категорически отвергает оценку советского государства не только, как буржуазного или мелко-буржуазного, но и как «нейтрального», временно остающегося будто бы без классового хозяина. Наличие **элементов** двоевластия вовсе не означает **политическое равновесие** классов. При оценке социального процесса особенно важно определение достигнутой им степени зрелости и законченности. Момент перехода количества в качество имеет в политике, как и в других областях, решающее значение. Правильное определение этого момента есть одна из важнейших и вместе труднейших задач революционного руководства.

Оценка СССР, как междуклассового государства (Урбанс), теоретически несостоятельная, политически равносильна сдаче или полусдаче величайшей позиции мирового пролетариата классовому врагу. Левая оппозиция категорически отвергает и осуждает эту точку зрения, как несовместимую с принципами революционного марксизма.

Путь левой оппозиции в СССР остается путем реформы.

Данный выше анализ возможностей и шансов контр-революционного переворота нельзя ни в каком случае понимать так, будто нынешние противоречия должны **непрерывно** прийти до открытого взрыва гражданской войны. Социальная среда эластична и — в известных границах — открывает дорогу разным возможностям, в зависимости от энергии и проницательных борющихся сил, причем внутренние процессы зависят от хода мировой классовой борьбы. Обязанность пролетарского революционера при всяких условиях состоит в том, чтобы продумывать каждую обстановку до конца и быть готовым также и к худшему исходу. Марксистский анализ возможностей и шансов термидориански-бонапартистского переворота не имеет ничего общего с пессимизмом, как слепота и бахвальство бюрократии не имеют ничего общего с революционным оптимизмом.

Признание нынешнего советского государства рабочим государством означает не только то, что буржуазия не могла бы овладеть властью иначе, как посредством вооруженного восстания, но и то, что пролетариат СССР не утратил еще возможности подчинить себе

бюрократию, возродить партию и оздоровить режим диктатуры — без новой революции, методами и путями **реформы**.

Было бы бесплодным педантизмом пытаться заранее подсчитать шансы пролетарской реформы и попытки буржуазного переворота. Преступным легкомыслием было бы утверждать, что первая обеспечена, а вторая исключена. Готовиться надо ко всем возможным вариантам. Чтобы в момент неизбежного крушения плебисцитарного партийного режима, немедленно же, не давая классовым врагам выиграть темп, собрать и выдвинуть вперед пролетарское крыло, необходимо, чтобы левая оппозиция существовала и развивалась, как сплоченная фракция; внимательно анализировала все изменения обстановки, ясно формулировала перспективу развития, своевременно выдвигала боевые лозунги и укрепляла свои связи с передовыми элементами рабочего класса.

Левая оппозиция и брандлерянцы.

Отношение левой оппозиции к центризму определяет ее отношение к правой оппозиции, которая представляет собою только незаконченный мост между центризмом и социал-демократией.

В русском вопросе, как и во всех других, международная правая ведет паразитическое существование, питаясь критикой преимущественно практических и второстепенных промахов Коминтерна, при согласии с его оппортунистической политикой в основных вопросах. Беспринципность брандлерянцев откровеннее и циничнее всего обнаруживается в вопросах, связанных с судьбой СССР. В период правительственной ставки на кулака брандлерянцы полностью поддерживали официальный курс, доказывая, что иной политики, кроме политики Сталина-Рыкова-Бухарина, вообще вести нельзя. После поворота 1928 года брандлерянцы выжидательно замолчали. Когда обнаружили неожиданные для них успехи индустриализации, брандлерянцы без критики приняли программу «пяtilетки в четыре года» и «ликвидации кулачества, как класса». Правые обнаружили полную неспособность революционной ориентировки и марксистского предвидения, выступая в то же время адвокатами сталинского режима в СССР. Основная черта оппортунизма — склоняться перед силой сегодняшнего дня — определяет все поведение брандлерянцев по отношению к сталинцам: «мы готовы признать без критики все, что вы делаете в СССР, только позвольте нам вести **нашу** политику в **нашей** Германии». Аналогичный характер имеет позиция ловстолистов в Соединенных Штатах, правой оппозиции в Чехословакии и родственных им полусоциал-демократических — полукommунистических групп в других странах.

Левая оппозиция ведет против правого попутчика центристов непримиримую борьбу, в частности и в особенности на почве русского вопроса, и в то же время стремится высвободить из-под разлагающего влияния брандлерянской верхушки тех рабочих — революционеров, которые загнаны в правую оппозицию зигзагами централизма и его недостойным режимом.

Принцип левой оппозиции: высказывать то, что есть.

Мелкобуржуазные попутчики, «друзья» Советского Союза, по существу друзья сталинской бюрократии, в том числе и зависимые чиновники Коминтерна в разных странах, с легким сердцем закрывают глаза на противоречия развития Советского Союза, чтобы впоследствии, при первой серьезной опасности, повернуть ему спину.

Политические и личные конфликты нередко толкают, однако, и в ряды левой оппозиции перепуганных центристов или, еще хуже, неудовлетворенных карьеристов. При обострении репрессий или, наоборот, в момент успехов официального курса эти элементы возвращаются,

в качестве капитулянтов, в официальные ряды, где образуют хор париев. Капитулянты типа Зиновьева — Пятакова — Радека, немногим отличаются от капитулянтов-меньшевиков, типа Громана — Суханова, или буржуазных специалистов, типа Рамзина. При всем различии исходных позиций все три группы сейчас сходятся на признании правильности нынешней «генеральной линии», чтобы при ближайшем обострении противоречий снова шарахнуться в разные стороны.

Левая оппозиция чувствует себя составной частью армии пролетарской диктатуры и мировой революции, подходит к задачам советского режима не извне, а изнутри, безбоязненно срывает фальшивые покровы, обнажает действительные опасности, чтобы самоотверженно бороться против них и учить этому других.

Опыт всего послеленинского периода свидетельствует о неоспоримом влиянии левой оппозиции на ход развития СССР. Все, что было и остается в официальном курсе творческого, являлось лишь запоздалым отголоском идей и лозунгов левой оппозиции. Полуразрыв правоцентристского блока был вынужден давлением большевиков-ленинцев. Левый курс Сталина, выросший из стремления подорвать корни левой оппозиции, уперся в абсурд теории и практики «третьего периода». Отказ от этого горячего припадка, ведшего к прямой гибели Коминтерна, явился снова результатом критики оппозиции. Сила этой критики, при малочисленности левого крыла, состоит в том, в чем вообще сила марксизма: в способности анализировать, предвидеть и указывать правильные пути. Фракция большевиков-ленинцев уже и сейчас является, таким образом, одним из важнейших факторов в развитии теории и практики социалистического строительства в СССР и международной пролетарской революции.

Уровень жизни рабочих и их роль в государстве — высший критерий социалистических успехов.

Пролетариат — не только основная производительная сила, но и тот класс, на котором держится советская система и социалистическое строительство. Диктатура не может быть устойчивой, если ее извращенный режим ведет к политическому обезличению пролетариата. Высокие темпы индустриализации не могут быть длительными, если они основаны на чрезмерном напряжении, ведущем к физическому изнашиванию рабочих. Постоянный недостаток наиболее необходимых жизненных продуктов и непрерывное состояние тревоги под кнутом администрации ставят все социалистическое строительство под удар. «Замирание внутрипартийной демократии — говорит платформа оппозиции СССР — приводит к замиранию рабочей демократии вообще — в профсоюзах и во всех других массовых беспартийных организациях». Со времени обнародования платформы процесс этот сделал дальнейшие опустошительные завоевания. Профессиональные союзы окончательно сведены к роли вспомогательных органов правящей бюрократии. Система административного нажима, под именем ударничества, построена так, как если бы дело шло о коротком перевале, а не о большой исторической эпохе. Между тем, окончание пятилетки застанет советское хозяйство перед новым еще более крутым подъемом. При помощи формулы «догнать и перегнать» бюрократия вводит в заблуждение отчасти себя, а главным образом рабочих относительно достигнутого этапа и подготавливает острый кризис разочарования.

Хозяйственные планы должны быть пересмотрены под углом зрения действительного и систематического улучшения материальных и культурных условий рабочего класса города и деревни. Нужно вернуть профессиональные союзы к их основной задаче: коллективного воспитателя, а не кнута. Нужно перестать оглушать пролетариат, как в СССР, так и во всем мире, преувеличением достигнутого, преуменьшением задач и трудностей. Во главу угла всей политики надо поставить вопрос о повышении политической самостоятельности пролетариата

и его самостоятельности во всех областях. Действительное достижение этих целей невысказано без борьбы против чрезмерных привилегий отдельных групп и слоев, крайнего неравенства жизненных условий, и прежде всего — против чудовищных привилегий и преимуществ бесконтрольной бюрократии.

V. Выводы.

1. Экономические успехи СССР, проложившие себе дорогу, несмотря на длительный союз, в области планирования, центристов, правых, меньшевиков и вредителей, представляют собою величайшее торжество социалистических методов хозяйства и могучий фактор мировой революции.

2. Охранять СССР, как главную крепость мирового пролетариата, от всяких покушений мирового империализма и внутренней контр-революции есть важнейшая обязанность каждого сознательного рабочего.

3. Кризисы экономического развития СССР вырастают как из унаследованных от прошлого капиталистических и докапиталистических противоречий, так и из противоречия между мировым характером современных производительных сил и национальным характером социалистического строительства СССР.

4. Построенная на непонимании этого последнего противоречия теория социализма в отдельной стране является, в свою очередь, источником практических ошибок, порождающих кризисы или усугубляющих их.

5. Могущество советской бюрократии расцвело на резком снижении политической активности советского пролетариата после ряда лет крайнего напряжения сил; на ряде поражений международной революции; на стабилизации капитализма и укреплении мировой социал-демократии.

6. Социалистическое строительство в условиях классовых противоречий внутри и капиталистического окружения извне требует жизненной, дальнорочной, активной партии, как основной политической предпосылки планового хозяйства и классового маневрирования.

7. Между тем, придя к победе при прямой поддержке против-октябрьских социальных сил и разгромив революционно-интернационалистское крыло партии, центристская бюрократия могла в дальнейшем поддерживать свое господство только мерами подавления партийного контроля, выборности и общественного мнения рабочих масс.

8. Задушив партию, т.е. оставшись без глаз и без ушей, центристская бюрократия продвигается ощупью, определяя свой путь под непосредственными толчками классов, мечась между оппортунизмом и авантюризмом.

* * *

9. Ход развития полностью подтвердил все основные положения платформы русской оппозиции, как в части критической, так и в части положительных требований.

10. С особенной яркостью успели определиться за последний период черты основных течений в ВКП(б), как и во всем Коммунистическом Интернационале: марксистско-ленинского, центристского и правого. Тенденция ультра-левизны проявляется либо как увенчание одного из зигзагов центризма, либо на периферии левой оппозиции.

11. Политика и режим центристской бюрократии стали источником наиболее острых и непосредственных опасностей для диктатуры пролетариата. Систематическая борьба против правящего централизма является важнейшей частью борьбы за оздоровление, упрочение и развитие первого рабочего государства.

12. Игнорирование материального состояния и политического самочувствия рабочего класса составляет главную черту бюрократического режима, который надеется, при помощи методов голого командования и административного нажима, построить царство национального социализма.

13. Бюрократическое форсирование темпов индустриализации и коллективизации, опирающееся на ложную теоретическую установку и не проверяемое коллективной мыслью партии, означает безоглядное накопление диспропорций и противоречий, в особенности по линии взаимоотношений с мировым хозяйством.

14. Имущественные отношения в СССР, как и политические взаимоотношения классов, непрерываемо свидетельствуют о том, что, несмотря на извращение советского режима и гибельную политику центристской бюрократии, СССР остается рабочим государством.

15. Буржуазия могла бы прийти в СССР к власти не иначе, как при помощи контр-революционного переворота. Пролетарский авангард сохраняет возможность поставить бюрократию на место, подчинив ее своему контролю, обеспечить правильную политику, возродить партию, профессиональные союзы и советы путем решительной и смелой реформы.

16. Однако, накапливающиеся в рамках официальной партии противоречия, при сохранении сталинского режима, неизбежно должны, особенно в момент обострения экономических затруднений, привести к кризису политическому, который может заново поставить вопрос о власти во всем объеме.

17. Для судьбы советского режима решающее значение будет иметь то обстоятельство, сможет ли пролетарский авангард своевременно подняться, сплотиться и дать отпор блоку термидориански-бонапартистских сил, опирающихся на мировой империализм.

18. Выполнить свои обязанности по отношению к пролетарскому авангарду левая оппозиция может лишь путем непрерывной критической работы, марксистской оценки обстановки, определения правильных путей развития хозяйства СССР, как и путей борьбы мирового пролетариата, своевременного выдвигания жизненных лозунгов и непримиримой борьбы против плебисцитарного режима, сковывающего силы рабочего класса.

19. Разрешение этих теоретических и политических задач мыслимо лишь при том условии, если Всесоюзная фракция большевиков-ленинцев укрепит свою организацию, проникнет во все основные ячейки официальной партии и других организаций рабочего класса, оставаясь, в то же время, нераздельной частью интернациональной левой оппозиции.

* * *

20. В качестве одной из наиболее неотложных задач, необходимо опыт хозяйственного строительства СССР сделать предметом всестороннего и свободного изучения и обсуждения ВКП и Коминтерна.

21. Критерии при обсуждении, выработке и пересмотре хозяйственных программ: а) систематическое повышение реальной заработной платы; б) сжимание ножиц

промышленных и сельскохозяйственных цен, т.е. обеспечение смычки с крестьянством; в) сжимание ножиц внутренних и мировых цен, т.е. ограждение монополии внешней торговли от напора дешевых цен; г) повышение качества продукции, которое должно учитываться на равных правах с количеством; д) стабилизация внутренней покупательной силы червонца, который еще на долгий период останется, наряду с плановым началом, необходимым элементом хозяйственного регулирования.

22. Административная погоня за «максимальными» темпами должна быть заменена выработкой оптимальных (наиболее выгодных) темпов, обеспечивающих не показное выполнение сегодняшнего приказа, а устойчивый рост хозяйства на основах динамического равновесия, при правильном распределении внутренних средств и широком плановом использовании мирового рынка.

23. Для этого нужно прежде всего отказаться от ложной перспективы замкнутого и самодовлеющего национального хозяйственного развития, вытекающей из теории социализма в отдельной стране.

24. Проблему внешней торговли СССР необходимо поставить, в перспективе растущих связей с мировым хозяйством, как узловую проблему.

25. В соответствии с этим вопрос о сотрудничестве капиталистических стран с СССР надо сделать одним из актуальных лозунгов всех секций Коминтерна, особенно в период мирового кризиса и безработицы.

26. Коллективизацию крестьянского хозяйства надо перевести на рельсы действительной самостоятельности сельскохозяйственного пролетариата и деревенской бедноты и их союза с середняком. Серьезную и всестороннюю проверку опыта колхозов — сделать задачей рабочих и передовых крестьян. Государственную программу колхозного строительства приводить в соответствие с действительными данными опыта и с наличными техническими и обще-экономическими ресурсами.

27. Отбросить бюрократическую утопию «ликвидации кулачества, как класса» в два-три года, на базе крестьянского инвентаря. Проводить твердую политику систематического ограничения эксплуататорских тенденций кулачества. В этих целях внимательно следить за неизбежными процессами дифференциации как внутри колхозов, так и между колхозами, ни в каком случае не отождествляя колхозы с социалистическими предприятиями.

28. Перестать руководствоваться в хозяйстве соображениями бюрократического престижа. Не прикрашивать, не замалчивать, не обманывать. Не называть социализмом нынешнее советское переходное хозяйство, еще крайне низкое по уровню производительных сил и крайне противоречивое по своей структуре.

29. Покончить навсегда с практически губительным и недостойным революционной партии римско-католическим догматом о непогрешимости руководства.

30. Осудить теорию и практику сталинизма. Вернуться к теории Маркса и революционной методологии Ленина.

31. Возродить партию, как организацию пролетарского авангарда.

* * *

Несмотря на крупнейшие хозяйственные успехи, с одной стороны, на крайнее ослабление Коминтерна, с другой, революционный удельный вес большевизма на мировой политической карте несравненно значительнее, чем удельный вес советского хозяйства на мировом рынке. Повышая и развивая всеми силами национализированное и коллективизированное хозяйство СССР, необходимо в то же время сохранять правильную перспективу, ни на минуту не упуская из виду, что опрокинуть мировую буржуазию в революционной борьбе есть задача гораздо более реальная и непосредственная, чем «догнать и перегнать» мировое хозяйство, не выходя из границ СССР.

Нынешний глубокий кризис капиталистического хозяйства открывает революционные возможности перед пролетариатом передовых капиталистических стран. Неизбежный рост боевой активности рабочих масс снова остро поставит все проблемы революции и вырвет почву из-под самоуправства центристской бюрократии. В революционный период левая оппозиция войдет вооруженной ясным пониманием пройденного пути, совершенных ошибок, новых задач и перспектив.

Полный и окончательный выход из внутренних и внешних противоречий СССР найдет на арене победоносной революции мирового пролетариата, и только на ней.

Опубликовано в: Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1931. № 20.